

Рыбопромысловая рента: от мифологий к общей пользе

Г.Д. Титова – НИЦ экологической безопасности РАН, г. Санкт-Петербург

«Неразумный налог создает большое искушение для контрабанды, а кары за контрабанду должны усиливаться в соответствии с искушением. Закон, вопреки всем обычным принципам справедливости, сперва создает искушение, а потом наказывает тех, кто поддается ему... Неопределенность обложения развивает наглость и содействует продажности того разряда людей, которые и без того не пользуются популярностью».

Адам Смит

«Ничто не является лучшим свидетельством характера и цивилизованности общества, чем та фискальная политика, которую проводит государство».

Джозеф Шумпетер

Прибыль (процент на капитал), заработная плата и природная рента относятся к первичным доходам любого общества. Они образуются в результате эффективного использования национальных активов: капитала, труда человека и «труда» природы. Эти доходы имеют единую ценностную субстанцию, являются первоначалами всех других доходов и перераспределяются в обществе с помощью налогов. Первичные доходы взаимозаменяемы как объекты налогообложения. Поэтому, у государства есть возможность выбора оптимальной системы пополнения доходной части бюджета, сообразно налогооблагаемому потенциалу национальных активов.

На протяжении более двух веков ученые, оставившие наиболее заметный след в становлении экономической теории, утверждают, что основная налоговая нагрузка должна падать на природную ренту. Это обусловлено тем, что, во-первых, природная рента – это доход, который образуется сверх равных затрат частного капитала и труда в расчете на единицу добытого сырья. То есть, в данном случае налогом облагается **незаработанный** сверхдоход, который обусловлен лишь «трудом» природы. Во-вторых, изъятие ренты в пользу общества не нарушает принципов свободной рыночной торговли, является эффективным средством в борьбе с коррупцией и оборотами теневой экономики. В-третьих, перенос бремени налогов с заработной платы и корпоративной прибыли на ренту (а в идеале – замещение всех деструктивных налогов неналоговыми сборами за природные ресурсы) позволяет: (а) выровнять экономические условия добычи ресурсов, (б) обеспечить рост благосостояния, (в) повысить уровень инвестиций в производство и смягчить проблему безработицы. В-четвертых, осуществление изъятия природной ренты (в налоговой или неналоговой формах) можно с меньшими затратами, поскольку ее налогооблагаемый потенциал оценить легче, чем выявить прибыль или зарплату, которые без особого труда скрываются или искажаются. При переходе к рентному налогообложению можно избежать частых и унижительных проверок налоговых служб. И в-пятых, в отличие от налогов на труд и капитал, рентоориентированная система налогов стимулирует ресурсосбережение.

Проблема рентного налогообложения весьма актуальна для рыболовства, поскольку научными изысканиями середины 1980-х гг. было доказано, что 3/4 вариаций удельных издержек и доходов на промыслах (вне зависимости от того, ведется он в открытых морях или на внутренних водоемах) обусловлены далеко не рыбацким счастьем и умением, а заданными природой условиями: естественной продуктивностью промзон, качественным составом уловов, наличием в них валютноемких видов, изъятием биоресурсов на единицу промыслового усилия, местоположением районов промысла относительно рынков сбыта и растущими экологическими ограничениями (Ивченко, 1985; Тито-

ва, 1984). В силу этого, власть, радеющая о наиболее справедливом распределении ограниченных биоресурсов, рациональном и эффективном их использовании, должна сделать проблему нивелирования влияния природных различий на экономические результаты промысла ключевой задачей регулирования рыболовства.

В тех случаях, когда меры к изъятию ренты не принимаются, начинается ожесточенная борьба частных лиц за обладание ею, растет коррупция в структурах власти, увеличиваются масштабы браконьерства, спекулятивных сделок и разного рода асоциальных проявлений. Исследователи всего мира единодушны: погоня за рентой стала главной причиной истощения наиболее ценных, с точки зрения рыночного спроса, запасов ВБР в ИЭЗ.

Поэтому, спустя девять лет с начала шоковых реформ, власти России признали необходимость направления рентных потоков в рыболовстве в доход бюджета. Имеет смысл напомнить, что, по замыслу Минэкономразвития, уровень рыбопромысловой ренты должен был выявляться с помощью аукционной торговли квотами биоресурсов, к которой и приступили в 2001 г. Аукционы преследовали цели повышения прозрачности системы распределения ВБР, искоренения коррупции и снижения уровня браконьерства. Идеологи проведения аукционов уверяли, что их действия, направленные на защиту интересов рыбаков, помогут возродить судостроение и развернуть промысловые суда от российских берегов в просторы Мирового океана. Весомым аргументом «за» было и то, что с помощью аукционов предполагалось перейти к рентному налогообложению.

Пять лет, прошедших с начала аукционных торгов, показали, что ни одна из заявленных целей не была выполнена. Более того, экономическое положение рыбохозяйственного комплекса, в котором накануне их введения начали проявляться некоторые признаки стабилизации, резко ухудшилось по всем основным показателям. Торговля квотами, к тому же, усилила промысловые нагрузки, усугубила проблему перелова и выбросов и обострила признаки явления, носящего в теории название «рассеивание ренты».

Среди основных причин несостоятельности, предложенной Минэкономразвития схемы введения платежей за ВБР и усилившегося рассеивания ренты, можно назвать:

- искажение экономической сути рентного дохода, рентных платежей и целей рентного налогообложения;
- необоснованное утяжеление налогового бремени, вследствие решения проблемы рентного налогообложения вне контекста снижения налога на труд и капитал;
- изъяны в системе учета и отчетности;
- низкую платежеспособность населения, «накручивание» цен на морепродукты посредниками;
- игнорирование необходимости учета природно-географичес-

ких особенностей России в практике макроэкономического регулирования;

- изъяны в экспортной политике;
- сопротивление дельцов теневой экономики наведению порядка в рыболовстве.

Поскольку часть перечисленных причин уже обсуждались на страницах рыбохозяйственных журналов, имеет смысл остановиться лишь на основных из них.

Искажение экономической сути рентных платежей

С 2004 г. платежи за водные биоресурсы закреплены в Налоговом кодексе, т.е. вошли в состав обязательных налогов и сборов в рыболовстве, что, по замыслу инициаторов торгов квотами биоресурсов, позволяет изымать в бюджет рыбопромысловую ренту. Представитель Министерства по налогам и сборам М.М. Юмаев («Рыбные ресурсы» № 3, 2004) уверил рыбаков, что наконец-то и на рыбных промыслах появился механизм рентного налогообложения, схожий с тем, что «действует в отношении полезных ископаемых, лесных ресурсов, водных ресурсов». Он привел аргументы в пользу наличия самостоятельного платежа за биоресурсы. Один из них сводился к тому, что «в условиях продолжающегося становления рыночной экономики России, государственное финансирование мероприятий по изучению, научным исследованиям, оценке состояния рыбных запасов и перспектив развития рыбного хозяйства находятся на недостаточном уровне». Другой аргумент: «сбор за пользование объектами водных биологических ресурсов, который может уплачиваться с разрешенного к пользованию количества ресурсов, является минимальным гарантированным платежом недисциплинированных налогоплательщиков, не отражающих в налоговых декларациях по другим налогам сведения, связанные с доходами от реализации фактически выловленной рыбы и от операций с рыбопродукцией».

Однако платежи за полезные ископаемые (или единый налог на добычу полезных ископаемых – НДСПИ), на которые в качестве примера удачного воплощения на практике механизма изъятия ренты ссылался М.М. Юмаев, даже при самом большом желании нельзя отнести к рентным платежам. Они введены с 2002 г. взамен отчислений на воспроизводство минерально-сырьевой базы, их ставки носят форму фиксированных процентов от цен реализации тех или иных видов ресурсов. Многие исследователи отмечают, что НДСПИ, установленные на основе макроэкономических подходов и дифференцированные по видам полезных ископаемых в зависимости от средней рентабельности их добычи (по аналогии со средней температурой по больнице)¹, не учитывают конкретных условий добычи, поэтому с их помощью не может быть изъята ни горная, ни нефтяная ренты. Ставки НДСПИ настолько агрегированы, что приводят к серьезным ошибкам, не идущим на пользу развитию производства. Они могут быть оправданы только как форма изъятия абсолютной ренты. Вопрос же с изъятием дифференциальной ренты I в недропользовании остается открытым (Кимельман, Андрюшин, 2004; Петров, 2004; Тропко, 2004).

Аналогичной точки зрения придерживается и Ю.В. Яковец – один из самых авторитетных исследователей проблемы природной ренты не только в России, но и в мире, утверждая, что НДСПИ, акцизы на нефть и природный газ введены «не только экономически безграмотно (хотя и весьма выгодно для олигархов, осуществляющих разработку лучших месторождений полезных ископаемых), но и весьма опасно для будущего минерально-сырьевого комплекса страны – ликвидируется самостоятельный канал финансирования государством геологоразведочных работ... Это отнюдь не налог, как пытались представить некоторые финансовые мудрецы и поддержавшие их законодатели, а необходимый компонент издержек воспроизводства в природоэксплуатирующих отраслях; эти средства должны концентрироваться в

соответствующих фондах и служить источником для воспроизводства и охраны природных ресурсов» (Яковец, 2003: 67, 99).

Никакого сходства с рентными платежами не имеет и водный налог.

Так что, доводы М.М. Юмаева в пользу того, что в рыбном хозяйстве наконец-то появились механизмы рентного налогообложения по аналогии с другими сырьевыми отраслями, малоосновательны. Они лишь усиливают сомнения в том, что нововведенные в рыболовстве платежи носят рентный характер, а те, кому поручено заниматься реформой налогов, якобы имеют необходимые для этого представления об экономической сути и целях перехода к рентному налогообложению.

Закрепленные в Налоговом кодексе платежи за биоресурсы, по методам установления имеют полное сходство с платежами на изучение, охрану и воспроизводство рыбных запасов, которые на добровольно-принудительной основе взимались с начала 1990-х гг. и приобрели обязательную форму после принятия Правительством РФ постановления о введении платы за пользование биоресурсами от 14.12.1998 № 1490. С большой натяжкой можно сказать, что они в какой-то мере уплывают лишь такой рентообразующий фактор, как валуемость ресурсов и изымают абсолютную ренту, которая, как считают некоторые исследователи, не зависит от продуктивности и местоположения зон промысла, а скорее означает оплату любому собственнику ресурсов разрешения вести их добычу. Этот вид платы при необходимости, действительно может устанавливаться в форме фиксированных ставок от уровня рыночных цен на тот или иной вид добытых ВБР. Однако, при корректно установленных рентных платежах, необходимость в изъятии абсолютной ренты отпадает.

Законодательное закрепление платы за биоресурсы на столь сомнительных подходах сыграло на руку противникам рентного налогообложения. На рыбных промыслах, судя по всему, надолго возобладала формула «*рентные платежи + все остальные налоги*», которая компрометирует главную идею рентного налогообложения – снятие налоговой нагрузки на труд и капитал и создание условий для более справедливого распределения биоресурсов между пользователями.

Вместе с тем, сложность корректного перехода к рентному налогообложению в рыболовстве обусловлена тем, что даже исследователи из рыбохозяйственных институтов не совсем четко трактуют его суть и предназначение. Одни из них утверждают, что «...предлагаемая система платности за использование ресурсов, по сути, является вынужденной политикой изъятия «дифференциальной ренты первого порядка» взамен существования аукционов. Она глубоко не проработана экономически и вызывает законные претензии ресурсопользователей» (Шевченко, Лепесевич, Комличенко, 2005: 340). С утверждением, что система платности не проработана экономически можно согласиться. Но сравнивать платежи за биоресурсы, закрепленные в Налоговом Кодексе, с дифференциальной рентой I нельзя по причинам, которые были изложены выше.

Другие исследователи убеждены, что «прибыль и рента находятся в функциональной зависимости, при этом рентой можно считать свехнормативную отраслевую прибыль» (Шевченко, Осетрова, 2004). Такая формулировка также ведет к ложным посылам, будто бы природная рента – это такой же доход, что и корпоративная прибыль, т.е. доход, заработанный дополнительными вложениями труда и капитала. Хотя истинная рента – это доход, обусловленный «трудом» природы и, чтобы его заполучить, нужно любыми способами обеспечить доступ к природным ресурсам лучшего качества и местоположения, где равные и даже меньшие удельные затраты труда и капитала по сравнению с худшими условиями позволяют получать огромный экономический выигрыш.

До сих пор существует путаница и относительно того, является природная рента доходом или частью издержек на добычу ресурсов. Некоторые экономисты полагают, что рента не входит

¹ Аналогичным способом рассчитываются и ставки платы за водные биоресурсы.

в издержки. Другие – настаивают на включении рентах платежей в издержки.

Поэтому, чтобы конструктивно и правильно поставить теорию ренты на защиту интересов отрасли, следует выйти из области мифологий, дать корректное определение терминам «рыбопромысловая рента» и «рентные платежи» и использовать их в практике налогообложения соответственно сути и целевому предназначению.

Собственно, в этом плане и дискутировать, вроде бы, не о чем, ибо экономическая теория дает однозначное определение, что дифференциальная рента I, т.е. избыточный рентный доход, обусловленный природно-географическими факторами, находится вне зоны формирования цен на продукцию и не входит в цену товаров непосредственно как норма прибыли и издержки производства (включая и плату на изучение, охрану и воспроизводство ресурсов), хотя рыночная цена каждого товара и включает полную величину природной ренты.

На эту особенность ренты обращал внимание еще А. Смит, писавший, что «...рента входит в состав цены продукта иным образом, чем заработная плата и прибыль. Высокая или низкая заработная плата и прибыль на капитал являются причиной высокой или низкой цены, большой или меньший размер ренты является результатом последней» (Смит, 1993: 275). Утверждение Смита, что рента является функцией рыночной цены, а не прибыли, осталось неизменным и в современной системе знаний. Именно это обстоятельство и позволяет экономистам рассматривать дифференциальную ренту I как незаработанный частными лицами доход, который может изыматься в пользу общества (или направляться на экономическую стабилизацию отрасли) без нарушения возможностей расширенного воспроизводства.

Чтобы окончательно прояснить суть проблемы, имеет смысл показать графически, где следует искать рыбопромысловую ренту. На рис. 1 показана структура совокупного продукта рыболовства в рыночных ценах (речь может идти как об общем улове, так и о конкретном объекте промысла), представляющего собой четырехугольник **OABT**.

Прямоугольник **OCBT** – это область формирования совокупной «цены производства», в данном случае «цены рыболовства», которая складывается из издержек на промысел и среднеотраслевой нормы прибыли. Одновременно это и область включения всех налогов и сборов за исключением рентах платежей.

Рента (треугольник **ABC**) располагается вне области формирования «цены производства», но входит в совокупный продукт рыболовства, выраженный в рыночных ценах (фигура **OABT**), т.е. является функцией рыночной цены (но никак не прибыли!), а поэтому не влияет на уровень прибыли, тогда как капитал и труд входят в цену непосредственно, и уровень рыночных цен зависит от среднеотраслевой нормы прибыли, уровня заработной платы и материальных затрат в предельных условиях. Но, поскольку рента все же зависит от того, «высока эта цена или низка, превышает ли она намного, незначительно или совсем не превышает сумму, достаточную для покрытия заработной платы и прибыли» (Смит, 1993: 275), она может возрастать вместе с рыночными ценами в результате сговора монополистов.

Так что повышение цен на морепродукты в результате введения платежей за биоресурсы, можно объяснить опять-таки только тем, что эта мера выполнена некорректно, в нарушение предписаний экономической теории.

Как уже было сказано, цены на природное сырье регулируются количеством труда и капитала, затраченного на добычу его в худших условиях, где рента не образуется. На рассматриваемом графике предельные условия промысла расположены вправо от линии **BT**. Здесь дополнительные вложения труда и капитала дают отдачу на уровне среднеотраслевой нормы рентабельности, следовательно, промысел может продолжаться и на участках, где рента не образуется.

Закономерен вопрос, а где же место ранее действовавшим платежам на изучение, охрану и воспроизводство рыбных зап-

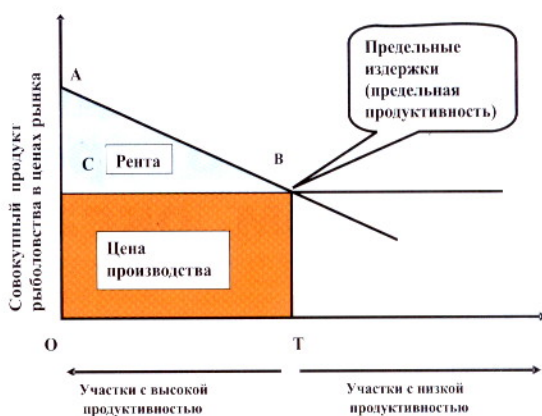

Рис. 1. Рыбопромысловая рента по продуктивности

сов? Оно – в так называемой цене производства (прямоугольник **OCBT**), ибо без проведения сырьевых исследований и охраны рыбных запасов ни о каком рациональном или устойчивом промысле не может быть и речи. Что касается источников финансирования рассматриваемых затрат, то на эти цели могут быть направлены как часть поступлений от рентах платежей, уровень которых, как будет показано ниже, может возрасти при снижении налоговой нагрузки на труд и капитал, так и сборы от штрафных санкций и иных источников. Затраты на охрану определяются методами, ничего общего не имеющими с методами установления рентах платежей.

Подмена сути платежей за биоресурсы опасна тем, что, как и в случае введения НДСП, в рыболовстве могут возникнуть еще большие осложнения с финансированием затрат на изучение, охрану и воспроизводство рыбных запасов вследствие окончательного лишения самостоятельности и целевого предназначения фондов для оплаты работ, гарантирующих сохранение от истощения рыбных запасов.

Таким образом, правильная трактовка сути рыбопромысловой ренты, определение ее места в рыночной цене морепродуктов и, в соответствии с этим, создание методов изъятия ренты важны по следующим обстоятельствам:

- рентах доход своим происхождением обязан не дополнительным вложениям труда и капитала, не организаторским способностям и умению предпринимателей, а только «труду» природы, поэтому налогообложение ренты не является какой-либо жертвой со стороны частных предпринимателей, получающих ее незаслуженно;
- рента определяется рыночной ценой, а не нормальными издержками на промысел и поэтому может быть изъята полностью без негативного влияния на расширенное воспроизводство;
- если государство не изымает рента, то предприниматели, чьи рентах доходы чрезмерны, а капиталы велики, способны устанавливать монопольные цены, навязывая свою волю по правилам природопользования, как органам государственной власти, так и конкурентам;
- цену рыбы-сырца, безусловно, будут повышать неправильно установленная плата за ресурсы, а также возможность перепродажи лицензий, субаренды и иных форм передачи прав пользования биоресурсами на вторичном рынке без надлежащего контроля этого процесса со стороны государства.

(Продолжение следует.)

Titova G.D.

Fisheries rent: from mythology to common good

In the article the causes of dissipation of the fishery rent are named. The author considers as main ones the distortion of economic essence of rent payments in Russian tax laws, and unreasonable weighting of tax burden due to decision of rent taxation problem not considering the decrease of tax burden on labour and capital. Some suggestions are given on ways of transition to rent taxation in fisheries.